

Лунной ночью тонкий лунный свет просочился в окно.

В тишине ночи из комнаты доносился лишь мерный стук костяшек счетов. За письменным столом сидела девушка в черном. Нельзя было назвать её ослепительной красавицей, но черты лица её были весьма утонченными, а в осанке сквозила природная статность. Одной рукой она перелистывала бухгалтерские книги, а пальцы другой непрерывно порхали по счетам. Видимо, движения были слишком резкими — пламя свечи на столе беспокойно затрепетало. Девушка то хмурилась, то расправляла брови, всецело погруженная в работу, и никто не смел её потревожить.

Когда она дошла до последней страницы, пальцы, щелкавшие костяшками, наконец замерли, и ночную тишину больше ничто не нарушало.

Е Семнадцатая потеряла уставшие, ноющие глаза, собираясь взять следующий отчет — сегодня нужно было закончить проверку всех счетов.

Подул легкий ветерок, принес с собой едва уловимый аромат вина.

Этот запах, казалось...

Е Семнадцатая замерла. Рука её невольно остановилась, она непонимающе обернулась и взглянула в окно.

Один взгляд — и сердце затрепетало от невероятного очарования.

Один взгляд — и в душе разлилась томная нега.

В ночи, под деревом персика, сидела фигура в ослепительно-алом наряде. Черные, как смоль, волосы свободно рассыпались по плечам, и легкий ветерок играл прядями. Тонкие пальцы сжимали белую нефритово-фарфоровую чашу, в которой переливалась красная влага, испуская мягкий свет. Она слегка покачивала вино, её губы, не знавшие помады, но яркие от природы, едва заметно изогнулись в улыбке. Длинные, узкие персиковые глаза были полны страсти. Лунный свет струился вокруг неё, лепестки персика медленно опадали на землю. В этой небрежной позе сквозила манящая, сводящая с ума грация.

Три месяца назад.

Один из павильонов в Башне Темной Луны.

— Правая наставница, горячая вода готова, прошу вас совершить омовение, — несколько служанок низко склонились в поклоне.

— Уходите.

— Слушаемся.

Все тихо удалились.

Е Семнадцатая опустила взгляд на свой черный облегающий костюм с золотой каймой. Это был символ чести Башни Темной Луны и статус, добытый ценой жизни за последние три года — статус правой наставницы, человека, стоящего здесь выше всех, кроме самого хозяина.

Она сбросила одежду и погрузилась в воду. Поплавав немного, она устало прислонилась к краю бассейна и достала из потайного кармана изящный кисет. Кто-то мог подумать, что там хранятся драгоценности, но внутри лежал лишь пустой белый фарфоровый пузырек из-под лекарства.

Три года. Прошло уже три года...

— Тебе нужно лишь оставаться в Башне Темной Луны, заслужить доверие вашего хозяина и стать его правой рукой. Когда придет время, я дам тебе знать, что делать.

Эти слова до сих пор звучали в ушах. Ради них она три года старалась изо всех сил, выполняя одно опасное задание за другим, лишь бы стать доверенным лицом хозяина.

— Помни, твоя жизнь принадлежит мне.

Ради этого обещания она не раз балансировала на грани смерти, выживая лишь благодаря той вере, что её жизнь больше не принадлежит ей самой. Она и сама не понимала, почему так отчаянно старается. Ей было смешно от собственных мыслей: всего одна мимолетная встреча, она была женщиной... нет, девушкой. Почему же образ её так глубоко врезался в память? Ей хотелось лишь вновь увидеть её, хотя бы разок.

Но прошло три года, она стала правой рукой хозяина, а вестей всё не было.

Та девушка тогда возникла из ниоткуда и так же бесследно исчезла. Если бы не этот пузырек в руках, напоминающий о той встрече, Е Семнадцатая решила бы, что всё это было лишь видением.

Аромат лекарства давно выветрился, но Е Семнадцатая прижала пузырек к груди.

Над водой вился пар, и сквозь туманную дымку она отчетливо увидела алый силуэт в комнате.

Это она?

Е Семнадцатая широко раскрыла глаза, пытаясь разглядеть её в тумане.

Исчезла! Должно быть, это галлюцинация.

На губах Е Семнадцатой появилась горькая улыбка, взгляд потух, пальцы, сжимавшие пузырек, побелели.

Вдруг прямо перед ней остановились белые нефритовые туфли.

Е Семнадцатая вздрогнула, подняла голову и, по мере того как вода остывала, наконец увидела ту, что скрывалась за пеленой пара.

Е Семнадцатая затаила дыхание. Это она!

Повзрослев, она стала еще прекраснее, красота её была удушающей, сводящей с ума. В ней больше не было детской невинности, лишь томная женственность. Три года назад она была изящным теплым нефритом, а теперь походила на мак, распустившийся в ночи — яд, перед которым невозможно устоять, в который проваливаешься без остатка.

Е Семнадцатая, не отрываясь, смотрела на неё прямо из воды, чувствуя, что все старания этих трех лет были не напрасны.

Однако в глазах Дугу Цзюэ промелькнуло нетерпение. Она слегка нахмурилась:

— Сколько ты еще собираешься сидеть в воде?

Холодный тон заставил Е Семнадцатую очнуться от наваждения. Она схватила одежду, накинула её и выбралась из бассейна.

— Хозяйка... — Е Семнадцатая опустилась на одно колено.

Дугу Цзюэ достала из-за пазухи тот самый пузырек и бросила перед ней:

— Добавь это в его еду.

— Но... Хозяйка, еду хозяина всегда проверяют...

— Это лекарство действует только на вашего хозяина.

— Тогда, хозя...

Она подняла голову, но в комнате уже никого не было. Лишь холодный ветер задувал в окно, остужая её сердце наполовину. Она успела перемолвиться с ней лишь одной фразой.

Три года назад она так же бросила пузырек и исчезла.

Три года спустя она снова сделала то же самое.

Когда она увидит её в следующий раз?

Но ведь она видела её, разве этого недостаточно?

Она и подумать не могла, что следующая встреча произойдет не через три года, а всего через три месяца, и что она сможет не просто видеть её, но и быть рядом.

Вспомнив об этом, Е Семнадцатая улыбнулась. Просто находиться рядом, украдкой бросать на неё взгляды — этого было достаточно для счастья.

Она снова посмотрела в окно: ночь была всё той же, но её там уже не было.

Улыбка застыла на губах. Е Семнадцатая в тревоге вскочила со стула, испуганно оглядывая ночной сад в поисках того алого силуэта, что завладел её душой.

— Кого ты ищешь?

Вкрадчивый голос раздался прямо из комнаты.

Дугу Цзюэ вошла в кабинет. В белой нефритовой чаше в её руках всё еще плескалось вино, отливая в свете свечей кровавым блеском.

— Хо... Хозяйка... — от внезапного испуга обычно хладнокровная и решительная Е Семнадцатая с трудом перевела дыхание.

Дугу Цзюэ не обратила внимания на её странное состояние и лениво опустилась в кресло. Она играла чашей в пальцах.

— Ань Чжюань засиделся в темнице, боюсь, он её только пачкает, — небрежно бросила она.

— Слушаюсь.

Е Семнадцатая прекрасно понимала, что это значит. Ань Чжюань, бывший наследник поместья Оружия, после того как Дугу Цзюэ отобрала у него власть, был заточен в темницу.

Дугу Цзюэ лежала в кресле, глядя на прозрачную чашу, её глаза сияли, как звезды, а на губах играла демоническая улыбка. Она допила красную жидкость, которую долго вертела в руках:

— Раз уж убранство в этом поместье довольно неплохое, оставьте от него хотя бы целое тело.